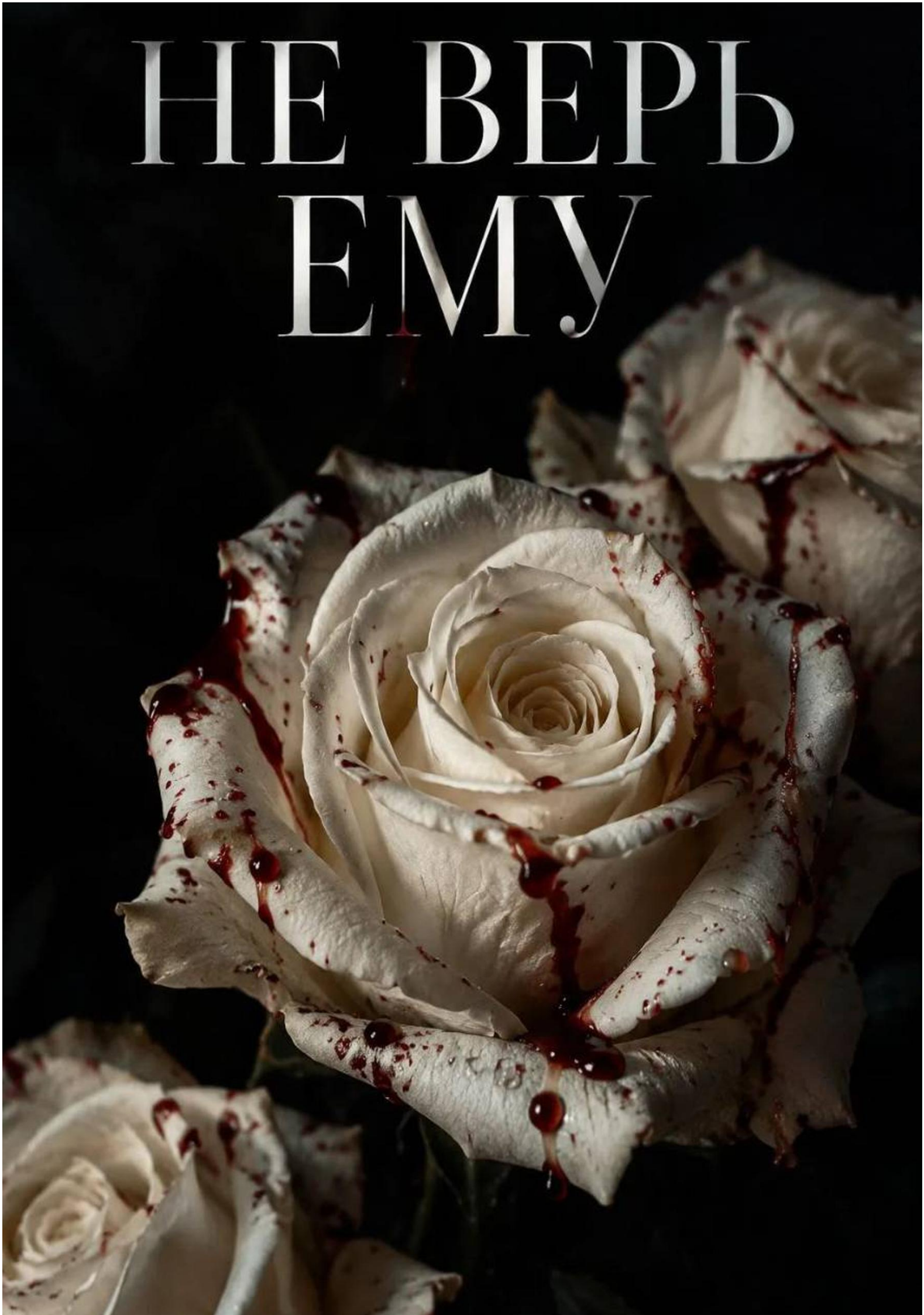
НЕ ВЕРЬ ЕМУ

Ксения Романова

Не верь ему

«Автор»
2026

Романова К.

Не верь ему / К. Романова — «Автор», 2026

Восемь дней она спала. Два года — стёрты.Ася открывает глаза в больнице и не помнит ничего: ни аварии, ни последних двух лет, ни мужчины с белыми розами, который называет её любимой. Марк идеален — богатый, заботливый, все говорят, что ей повезло. Но в старых вещах Ася находит свой дневник. Последняя запись: «Если я забуду — не верь ему. Спроси Кира».Кир — друг детства, который не пришёл в больницу ни разу. Обычный парень с гитарой в гараже. Тот, кто молчит — но всегда рядом.Город тонет в сером тумане. Ася пытается вспомнить, кем была. И чем глубже копает, тем страшнее правда: её идеальная жизнь построена на лжи. А авария — не случайность.Она не помнит два года. Но тело помнит. И дневник помнит.

© Романова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Ксения Романова
Не верь ему

Глава 1

Глава 1. Восемь дней

Больничный потолок был белым. Не просто белым — стерильно-белым, без единой трещинки, без пятнышка, без жизни. Ася смотрела в него, наверное, уже целую вечность, прежде чем поняла, что не помнит, как здесь оказалась.

Она попыталась пошевелить рукой. Получилось. Медленно, будто сквозь воду, но получилось. Пальцы нащупали тонкое одеяло, жёсткую простыню, пластиковый браслет на запястье. Она повернула голову — и мир качнулся.

За окном висело серое небо. Не хмурое, не дождливое — просто серое, ровное, будто кто-то взял и закрасил его одним цветом от края до края. Ася смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Это небо было ей незнакомо. Хотя нет — не так. Оно было слишком знакомым. Просто она не помнила, почему.

Дверь открылась без стука.

— Ася.

Голос был мужской. Низкий, спокойный, с тёплой хрипотцой. Она повернула голову — и увидела его.

Он стоял в дверях с букетом белых роз. Высокий, широкий в плечах, в тёмном пальто, которое явно стоило больше, чем вся её комната в общежитии. Тёмные волосы, уложенные идеально — ни одна прядь не выбивается. Тёмно-карие глаза. Улыбка — красивая, уверенная, будто он знал, что ему всегда рады.

Он подошёл к кровати, опустился на стул рядом, взял её руку. Его пальцы были тёплыми. Ася не отдёрнула руку — но и не сжала в ответ. Просто лежала, как чужая.

— Я так волновался, — сказал он тихо. — Ты не представляешь.

Она смотрела на него и молчала. Внутри было пусто. Не страх, не радость, не узнавание. Просто пустота — как это серое небо за окном.

— Ты меня не помнишь, — сказал он. Это был не вопрос.

Ася сглотнула. Горло было сухим, будто она долго кричала — хотя не помнила ничего.

— Нет, — прошептала она. — Не помню.

Он кивнул. Медленно, будто ожидал этого. Потом поднёс её руку к губам и поцеловал — бережно, почтительно, как что-то хрупкое.

— Ничего, — сказал он. — Я помогу тебе всё вспомнить.

Она хотела спросить, кто он. Но дверь снова открылась — и в палату влетела женщина в мятом халате, с заплаканными глазами и растрёпанными волосами.

— Ася! — Мать. Ася узнала её сразу — по голосу, по запаху духов, по тому, как она всплеснула руками. — Господи, доченька...

Она бросилась к кровати, обняла, прижала к груди. Ася почувствовала, как что-то тёплое и мокрое капает ей на плечо. Мать плакала. Тихо, беззвучно, только плечи тряслись.

— Мам, — сказала Ася. Голос был чужим. Хриплым. — Я в порядке.

Это была ложь. Она не была в порядке. Она не знала, что такое «порядок» сейчас.

Мать отстранилась, вытерла глаза, посмотрела на мужчину с цветами.

— Марк, — сказала она. — Спасибо, что приехал. Ты... ты столько для неё сделал.

Марк. Значит, его зовут Марк.

Он улыбнулся — мягко, скромно, будто не считал себя героем. Но в этой улыбке было что-то такое, от чего у Аси по спине пробежал холодок. Может, показалось. Может, просто больничный холод.

— Я останусь, — сказал он. — Сколько нужно.

Мать снова заплакала. Ася смотрела на них обоих — на мать, которая знала этого человека и доверяла ему, на Марка, который держал её за руку и говорил правильные слова — и чувствовала себя чужой на собственном празднике жизни.

Она попыталась вспомнить хоть что-нибудь. Хоть одну картинку. Хоть одно лицо.

Ничего.

Только серое небо за окном — и белый потолок. И тишина, которая звенела в ушах.

— Какой сейчас год? — спросила она вдруг.

Мать и Марк переглянулись. Марк ответил первым:

— Две тысячи двадцать четвёртый. Ноябрь.

Ноябрь. Двадцать четвёртый. Внутри что-то щёлкнуло — но не открылось. Просто щёлкнуло, как замок, к которому не подходит ключ.

— А я... — Ася запнулась. — Сколько мне лет?

— Двадцать, — сказала мать. — Тебе двадцать, солнышко. Ты... ты попала в аварию. Восемь дней в коме. Врачи говорили... — она всхлипнула. — Говорили, что может быть хуже. Но ты очнулась. Ты здесь.

Восемь дней. Ася закрыла глаза. Восемь дней — это не так много. Но она не помнила не только эти восемь дней. Она не помнила два года.

— У тебя ретроградная амнезия, — сказал Марк. Голос был ровным, спокойным — как у врача. — Врачи сказали, что это может пройти. Постепенно. Или... — он сделал паузу, — не пройти. Но мы будем бороться.

Мы. Он сказал «мы». Как будто это было решено. Как будто она уже согласилась.

Ася посмотрела на него. На его идеальную улыбку, на его тёплые пальцы, на его белые розы. И вдруг подумала: а почему я не чувствую ничего?

Она должна была чувствовать. Что-то. Благодарность. Радость. Облегчение. Хоть что-то.

Но внутри было пусто. Только серое небо — и белый потолок.

— Мне нужно поспать, — сказала она тихо.

Марк кивнул, поднялся, поцеловал её в лоб — медленно, будто ставил печать. Мать ещё раз сжала её руку, прошептала что-то про «всё будет хорошо» и вышла следом.

Дверь закрылась.

Ася осталась одна. Она повернулась к окну — и долго смотрела на серое небо, на верхушки сосен, на мелкий дождь, который начал накрапывать по стеклу.

Восемь дней. Восемь дней она спала — и за это время кто-то приходил. Или не приходил. Кто-то ставил цветы на тумбочку. Или не ставил. Кто-то ждал.

Она не знала, кто это. Но почему-то от мысли о ком-то, кто не пришёл — в груди стало теплее, чем от белых роз.

Ася закрыла глаза.

За окном шёл дождь. Серое небо не двигалось. А она всё падала куда-то вниз — в темноту, в пустоту, в два года, которых не было.

Глава 2

Глава 2. Фотографии

Утро снова было серым.

Ася проснулась от того, что за окном шумел дождь — ровный, монотонный, будто кто-то включил его и забыл выключить. Она лежала и смотрела, как капли ползут по стеклу, оставляя за собой мокрые дорожки. В палате было тихо. Только капельница попискивала где-то за ширмой, да в коридоре кто-то тихо переговаривался.

Она попробовала вспомнить хоть что-нибудь. Сон? Нет, снов не было. Только темнота — густая, как вода в озере. Ася закрыла глаза и попыталась представить себе лицо. Любое. Мать. Марка. Себя в зеркале.

Ничего.

Дверь открылась — и вошёл Марк. Сегодня без цветов. С кожаной папкой в руках и той же идеальной улыбкой.

— Доброе утро, — сказал он. — Как спала?

— Доброе, — ответила Ася. Слово прозвучало странно. Доброе ли оно? Она не знала.

Марк сел на стул, положил папку на колени, расстегнул. Внутри оказались фотографии — стопка глянцевых снимков, ровно обрезанных, будто их готовили для альбома.

— Я подумал, — начал он, — что тебе будет легче вспомнить, если ты увидишь. Вот. — Он протянул ей первую фотографию.

Ася взяла. На снимке они стояли вдвоём — она и Марк. На фоне того самого озера, которое она видела только в обрывках снов. Она улыбалась. Широко, открыто, счастливо. Её волосы развевались на ветру, глаза блестели. Марк обнимал её за плечи, и его улыбка была точно такой же, как сейчас — идеальной.

— Это мы на озере, — сказал он. — Прошлым летом. Ты сама попросила туда поехать. Сказала, что хочешь увидеть рассвет.

Ася смотрела на фотографию. На девушку с блестящими глазами. Она не узнавала её. Не потому, что та была другой — а потому, что та была счастливой. Ася не чувствовала себя счастливой. Она вообще ничего не чувствовала.

— А вот здесь, — Марк протянул следующую, — мы в кафе. Ты тогда пролила на себя кофе, и мы смеялись так, что на нас оборачивались.

На фото Ася смеялась, запрокинув голову. Марк вытирал салфеткой пятно на её футболке. Оба выглядели... живыми.

— А это... — он замялся, — это твой день рождения. Двадцатый. Ты не хотела праздновать, но я настоял.

Ася смотрела на третью фотографию. Торт со свечами. Она в платье, которого не помнит. Марк наклонился к её уху, будто шепчет что-то. Она улыбается — но глаза... глаза усталые. Или это тени? Или свет так падает?

— Красивые фотографии, — сказала Ася тихо.

— Это мы, — ответил Марк. — Это твоя жизнь. Наша жизнь.

Она хотела спросить: а почему я не помню, как была счастлива? Но не спросила. Просто кивнула и отложила фотографии на тумбочку.

Марк смотрел на неё внимательно. Слишком внимательно. Будто ждал чего-то.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросил он наконец.

— Я не знаю, — честно сказала Ася. — Я смотрю на эти фотографии и вижу чужую жизнь. Красивую. Но чужую.

Марк нахмурился. На секунду — только на секунду — его лицо изменилось. Улыбка исчезла, глаза стали холодными, будто кто-то задёрнул штору. Но в следующее мгновение всё вернулось. Он снова улыбался.

— Ничего, — сказал он мягко. — Это пройдёт. Врачи говорят, что память может вернуться. Нужно время.

Он взял её руку и сжал. Ася не отдёрнула. Но и не сжала в ответ.

— Я принесу ещё, — сказал Марк. — У меня много. Всё, что было. Мы вместе посмотрим. Вспомним.

— Хорошо, — сказала Ася.

Он поцеловал её в лоб — снова этот поцелуй, как печать, — и вышел. Дверь закрылась. Ася осталась одна с фотографиями.

Она снова взяла первую. Озеро. Рассвет. Она улыбается. Марк обнимает её. Всё правильно. Всё идеально.

Но что-то царапало. Что-то не давало покоя. Ася смотрела на фотографию и вдруг поняла: на снимке она стоит на самом краю пирса. Позади неё — тёмная вода. А Марк стоит чуть сзади, и его рука на её плече — не обнимает. Держит. Будто боится, что она уйдёт.

Или упадёт.

Ася перевернула фотографию. На обратной стороне — ничего. Ни подписи, ни даты. Просто глянец.

Она отложила снимок и взяла следующий. Кафе. Смех. Кофе на футболке. Здесь она выглядела счастливой. По-настоящему. Но на заднем плане, в отражении окна, она увидела чей-то силуэт. Размытый, нечёткий. Кто-то стоял снаружи и смотрел. Или ей показалось.

Третий снимок. День рождения. Торт. Свечи. Она в платье. Марк шепчет ей что-то на ухо. Ася присмотрелась. Его губы почти касаются её кожи. Но её глаза... она смотрела не на торт. Не на Марка. Она смотрела куда-то в сторону. За кадр. Будто искала кого-то.

Ася отложила фотографии. В груди было тесно. Будто кто-то надавил на рёбра. Она не знала, что это. Может, просто усталость. Может, больничный воздух. Может, что-то другое.

Она повернулась к окну. Дождь не прекращался. Серое небо висело низко, будто давило на город. Где-то там, за этим дождём, был дом. Была жизнь. Были люди, которые её знали.

И был кто-то, кто не пришёл.

Ася закрыла глаза и попыталась вспомнить. Хоть что-нибудь. Хоть одну картинку. Не с фотографий. Изнутри. Свою.

Темнота.

Она открыла глаза и посмотрела на дверь. Рядом с палатой, в коридоре, кто-то ходил. Медленные шаги. Туда-сюда. Будто ждал.

Ася прислушалась. Шаги стихли. Потом — снова. Она не знала, кто это. Но почему-то от этих шагов ей стало не так одиноко.

Она взяла дневник. Тот самый, который нашла вчера в сумке — старую тетрадь с потёртой обложкой. Открыла на последней странице. «Если я забуду — не верь ему. Спроси Кира».

Кир. Кто такой Кир?

Она перевернула страницу назад. Предпоследняя запись. Почерк был резче, будто рука торопилась: «Он сказал, что я не должна с ним общаться. Что он плохо на меня влияет. Может, он прав? Может, я просто не вижу?»

Ася закрыла дневник. Положила на тумбочку. Рядом с фотографиями. И долго смотрела на дверь, за которой кто-то ходил. Туда-сюда. Туда-сюда.

Она не знала, кто это. Но почему-то надеялась, что он не уйдёт.

Глава 3

Глава 3. Чужие слова

Мать пришла после обеда — с термосом и контейнером, в котором лежал суп. Ася смотрела, как она суетится, расставляет всё на тумбочке, поправляет одеяло, будто Ася была маленькой и больной, а не взрослой девушкой, которая просто потеряла два года.

— Я сварила твой любимый, — сказала мать, откручивая крышку термоса. — С фрикадельками. Ты всегда его ела, когда тебе было плохо.

Ася взяла ложку. Суп пах знакомо — укропом, лавровым листом, чем-то тёплым. Она поднесла ложку ко рту, попробовала. Вкус был... никакой. Не плохой, не хороший. Просто вкус, который ничего не будил.

— Спасибо, мам.

Мать села на стул, сложила руки на коленях. Она выглядела уставшей — сильнее, чем вчера. Под глазами залегли тёмные круги, волосы были собраны наспех, будто она не смотрела в зеркало перед выходом.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально, — сказала Ася. — Марк приносил фотографии.

Мать оживилась. Улыбка тронула её губы — робкая, но настоящая.

— Правда? Ну и хорошо. Он такой молодец. Столько времени с тобой проводит. Я говорила, тебе с ним повезло.

Ася отставила суп. Ложка звякнула о край тарелки.

— Мам, — сказала она. — Расскажи мне. Какая я была?

Мать моргнула. Улыбка дрогнула.

— Что значит — какая?

— Ну... — Ася подбирала слова. — До Марка. До всего этого. Какая я была?

Мать помолчала. Посмотрела в окно — на серое небо, на дождь, на верхушки сосен. Потом заговорила — медленно, будто вспоминала что-то далёкое.

— Ты была тихой, — сказала она. — Спокойной. Всегда с книжками, всегда с тетрадками. Отличница. Учителя тебя хвалили. Я думала, ты в медицинский пойдёшь, как я. Или в педагогический. Ты хорошо писала сочинения.

Ася слушала. Слова были правильные. Но не складывались в картинку.

— А потом?

— А потом появился Марк, — сказала мать, и её голос изменился. Стал мягче, что ли. — Он... он тебя будто разбудил. Ты стала смелее. Начала отвечать, когда тебя обижали. Перестала бояться говорить «нет». Я думала — наконец-то. Наконец-то ты вылезла из своей скорлупы.

— Я была в скорлупе?

— Ну... — мать замялась. — Не то чтобы. Просто ты была очень... осторожной. А он тебя вытащил. В люди. Ты стала больше улыбаться. Стала... — она подыскивала слово, — ярче.

Ася смотрела на свои руки. На пальцы, которые не помнили, как держали гитару. Не помнили, как печатали сообщения. Не помнили, как касались чьей-то кожи.

— А Кир? — спросила она вдруг.

Мать вздрогнула. Едва заметно, но Ася увидела.

— Какой Кир?

— Не знаю. Я нашла дневник. Там написано: «Спроси Кира».

Мать отвернулась. Слишком быстро. Слишком резко.

— Не помню я никакого Кира, — сказала она. — Наверное, это из школы кто-то. Мало ли.

— Мам.

— Что «мам»? — Мать встала, начала собирать посуду. Руки у неё дрожали. — Я тебе говорю: не помню. Ты с Марком встречалась. Последние два года — только Марк. Никаких Киров.

Ася смотрела на неё и чувствовала, как что-то внутри сжимается. Мать врала. Или не врала — просто не хотела говорить. Это было хуже.

— Хорошо, — сказала Ася тихо. — Я поняла.

Мать остановилась. Обернулась. Лицо у неё было виноватое — и испуганное.

— Ася, солнышко, — сказала она. — Я не хочу, чтобы ты... не хочу, чтобы ты вспоминала плохое. Тебе сейчас нельзя волноваться. Врачи сказали...

— Я знаю, что сказали врачи.

— Вот и хорошо. Вот и правильно. — Мать подошла, поцеловала её в макушку. — Я завтра приду. С пирогом. Ты любишь с яблоками.

Она вышла. Дверь закрылась. Ася осталась одна.

Она смотрела на дверь — и вдруг поняла, что мать не сказала главного. Она не сказала, почему в дневнике написано «не верь ему». Не сказала, почему Ася стала «дерзкой» — и почему это слово звучало так, будто её сломали и собрали заново. Не сказала, кто такой Кир.

Ася взяла дневник. Открыла на середине. Почерк был ровный, аккуратный. Записи шли одна за другой.

«Сегодня Марк подарил мне книгу. Ту самую, которую я давно хотела. Я даже не помню, когда ему говорила. Он такой внимательный».

«Он сказал, что мне не идёт эта футболка. Купил новую. Красивую. Я не знала, что мне может идти такое».

«Он попросил удалить ту страницу. Сказал, что это глупости. Наверное, он прав».

«Он не любит, когда я общаюсь с Киром. Говорит, Кир на меня плохо влияет. Я не замечала. Но, может, со стороны виднее?»

Ася перевернула страницу. Дальше почерк был резче.

«Я не понимаю, что происходит. Я будто стала другой. Я не помню, как это — хотеть чего-то сама. Всё, что я хочу, — это то, что хочет он».

«Я устала. Я не могу ему сказать. Он расстроится».

«Кир сегодня написал. Спросил, как я. Я не ответила. Марк бы не одобрил».

«Я не знаю, кто я. Я потеряла себя где-то по дороге».

Ася закрыла дневник. В горле стоял ком. Она не помнила, как это писала. Не помнила, что чувствовала. Но слова были её. И они были страшные.

Она посмотрела в окно. Дождь не прекращался. Серое небо висело низко, будто давило на плечи. Где-то там был город. Был дом. Была жизнь, которую она не помнила.

И был кто-то, кто не пришёл. Кто не пришёл — но чьи шаги она слышала в коридоре.

Ася встала. Подошла к двери. Приоткрыла. В коридоре было пусто — только капельница у стены да запах хлорки. Она выглянула дальше. У окна, в конце коридора, стоял кто-то. Высокий, в куртке, с растрёпанными волосами. Он смотрел в окно — на дождь, на серое небо. Потом обернулся.

Их глаза встретились.

Он не улыбнулся. Не подошёл. Просто стоял и смотрел — так, будто видел её впервые за долгое время. Или будто прощался.

Ася хотела что-то сказать. Но он уже отвернулся — и пошёл к выходу. Медленно, не оглядываясь. Дверь на лестницу хлопнула.

Она вернулась в палату. Села на кровать. Сердце стучало — быстро, громко, будто хотело выпрыгнуть.

Она не знала, кто это был. Но почему-то была уверена: это Кир. Тот, кого она не помнила. Тот, кто не пришёл — но был рядом. Тот, кто молчал — но смотрел так, будто знал о ней всё.

Ася взяла дневник. Открыла на последней странице. «Если я забуду — не верь ему. Спроси Кира».

Она закрыла глаза. За окном шёл дождь. А она всё падала куда-то вниз — в темноту, в пустоту, в два года, которых не было.

Глава 4

Глава 4. Тот, кто не пришёл

На следующее утро Ася проснулась с мыслью: я должна его найти.

Она не знала, откуда взялась эта мысль. Может, из дневника. Может, из шагов в коридоре. Может, из того взгляда у окна — долгого, тяжёлого, будто он держал её за плечи и не отпускал.

Врач пришёл в девять. Осмотрел, постучал по коленям молоточком, посветил в глаза фонариком. Сказал, что физически она здорова, что память может вернуться, а может и нет, и что главное — не волноваться.

— А гулять можно? — спросила Ася.

Врач посмотрел на неё поверх очков.

— Недолго. По территории. И не одной.

Ася кивнула. Она уже знала, что пойдёт одна.

После обеда она надела куртку — чужую, больничную, серую, — и вышла в коридор. Никто не остановил. Медсестра на посту что-то писала, не поднимая головы. Ася прошла мимо, стараясь не шуметь, и толкнула дверь на лестницу.

Улица встретила её дождём. Мелким, моросящим, который не стучал по плечам, а просто висел в воздухе. Ася поёжилась, подняла воротник, и пошла по дорожке — мимо серых корпусов, мимо голых деревьев, мимо клумбы с засохшими цветами.

Больница стояла на окраине города. Дальше начинался лес — тёмный, хвойный, с низкими облаками, которые цеплялись за верхушки сосен. Ася остановилась на краю дорожки и посмотрела на этот лес. Где-то там был город. Где-то там был дом. Где-то там был гараж, в котором сидел человек с гитарой.

Она не знала, где именно. Но ноги уже несли её — по мокрому асфальту, мимо больничных ворот, мимо автобусной остановки, вниз, к реке.

Она не помнила дорогу. Но шла так, будто помнила.

Дождь усилился. Ася натянула капюшон и продолжила идти. Мимо неё проезжали машины, обдавая брызгами. Прохожие спешили, пряча головы под зонтами. Никто не смотрел на неё. Никто не узнавал.

Она свернула на улицу с частными домами. Старые дома, деревянные, с покосившимися заборами. За одним из них — металлическая крыша гаража, из-под которой пробивался тусклый свет.

Ася остановилась.

Она не знала, почему остановилась именно здесь. Но внутри что-то щёлкнуло — тихо, как замок, к которому наконец подошёл ключ.

Она подошла к воротам. Приоткрыла калитку. Во дворе стояла старая машина — разобранная, с поднятым капотом. Рядом — стол, на нём инструменты, грязная кружка, гитара в чехле.

А в глубине гаража, спиной к ней, сидел человек. Он что-то чинил — медленно, сосредоточенно, будто весь мир сузился до этой детали в его руках.

Ася сделала шаг. Дождь барабанил по крыше. Человек не оборачивался.

— Кир, — сказала она.

Он замер. Медленно положил инструмент. Обернулся.

Это был он. Тот самый, из коридора. Высокий, в куртке, с капюшоном, накинутым на растрёпанные каштановые волосы. Карие глаза, тёмные, усталые. Он смотрел на неё так, будто она была привидением.

— Ты, — сказал он. Голос хриплый, будто он долго молчал. — Ты как здесь?

— Не знаю, — честно сказала Ася. — Ноги привели.

Он усмехнул ся — коротко, без веселья. — Ноги. Ну да. У тебя всегда так.

Она стояла на пороге, не решаясь войти. Дождь стекал по её лицу, по куртке, по волосам. Кир смотрел на неё и не двигался.

— Ты не приходил, — сказала она.

Он опустил глаза. Потом снова поднял.

— А зачем? — спросил он. — Тебе и без меня хорошо рассказывают. Какой я плохой. Как я на тебя влиял. Как ты без меня стала лучше.

Ася шагнула внутрь. Гараж пах бензином, мокрой землёй и чем-то ещё — тёплым, живым. Она остановилась в двух шагах от него.

— Мне сказали, что ты единственный, кто не врёт, — сказала она.

Кир смотрел на неё долго. Потом отвернулся, взял со стола кружку, отхлебнул. Руки у него дрожали — едва заметно, но Ася увидела.

— Кто сказал? — спросил он тихо.

— Я, — ответила Ася. — В дневнике. Своим почерком. «Если я забуду — не верь ему. Спроси Кира».

Кир закрыл глаза. На секунду его лицо стало таким открытым, таким беззащитным, что у Аси сжалось что-то в груди.

— Значит, ты всё-таки написала, — прошептал он.

— Что написала?

Он не ответил. Поставил кружку, подошёл к ней. Близко. Слишком близко. Ася чувствовала запах его куртки — дым, бензин, дождь. И что-то ещё, знакомое. Что-то, что она не могла вспомнить, но тело помнило.

— Ася, — сказал он. — Ты уверена, что хочешь знать? Потому что правда... — он запнулся. — Правда не всегда красивая. Иногда она такая, что лучше бы её не знать.

— Я уже ничего не знаю, — сказала она. — Я не знаю, кто я. Не знаю, кем была. Не знаю, что со мной сделали. Я смотрю на фотографии и вижу чужую жизнь. Я читаю свой дневник и не узнаю свой почерк. Я... — голос сорвался. — Я хочу хоть что-то. Хоть одну правду. Даже если она некрасивая.

Кир молчал. Дождь стучал по крыше. Где-то далеко проехала машина, шурша шинами по мокрому асфальту.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но не здесь. И не сейчас. Тебе нужно восстановиться. Прийти в себя. А потом... — он посмотрел ей в глаза. — Потом я расскажу. Всё. Что знаю.

— Обещаешь?

Он кивнул. Медленно, тяжело, будто это обещание давалось ему нелегко.

— Обещаю.

Ася выдохнула. Впервые за всё это время — с облегчением. Будто она держала в руках что-то тяжёлое и наконец поставила на землю.

— Мне нужно вернуться, — сказала она. — Пока меня не хватились.

Кир кивнул. Он не проводил её до калитки — просто стоял в дверях гаража и смотрел, как она уходит. Ася шла по мокрой улице, не оборачиваясь. Но чувствовала его взгляд — на спине, на затылке, на каждом шаге.

Она не помнила его. Не помнила, что было между ними. Но почему-то шла и улыбалась — впервые за всё это время. Улыбалась, хотя дождь заливал лицо, а серое небо давило на плечи.

Потому что был кто-то, кто не врал. Кто не пытался рассказать ей, какой она была. Кто просто ждал — и был рядом.

Даже если она его не помнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.